

С.И. Каспэ

СОДРУЖЕСТВО ВАРВАРСКИХ КОРОЛЕВСТВ: НЕЗАВИСИМЫЕ ГОСУДАРСТВА В ПОИСКАХ ИМПЕРИИ

Поиск аналитической стратегии, адекватной такому странному объекту, как Содружество Независимых Государств, с неизбежностью порождает желание испробовать возможности компаративного метода. Однако тут же возникает проблема поиска сравнимого — и формально удовлетворяющие условиям задачи «содружества независимых государств» вроде Европейского или Африканского союзов, British Commonwealth или, скажем, Организации Исламская конференция по целому ряду достаточно очевидных причин удовлетворяют им только формально. Выходом может стать диахронический взгляд, подразумевающий включение в поле исследования политических конструкций прошедших эпох. Это, разумеется, небезопасно, и надо помнить, что эвристическая и особенно прогностическая ценность подобных занятий весьма ограничена — как полагал Жак Паганель, «сравнение — самая рискованная из риторических фигур». Но, возможно, имеет смысл предложить к энigmatическому объекту «СНГ» одну занятную параллель, заранее оговорившись, что она не претендует не только на тотальную, но и вообще на какую бы то ни было объяснительную силу, скорее представляя собой игру ума — небесполезную хотя бы тем, что она позволяет выйти из плоскости обыденных размышлений. Ближайшей (собственно, прямо вдохновившей) аналогией тут являются работы Джошуа Форреста, в которых сопоставляется процесс state-formation в современной Африке и средневековой Европе¹ — со всей смелостью, потребной для такого нетривиального хода, но и со всей осмотрительностью.

¹ Forrest 1994, 2004: 42—43. См. также Herbst 2000.

Суть предлагаемой параллели выражена в названии статьи. Актуальная ситуация на постсоветском пространстве сравнивается в ней с состоянием раннесредневековой Европы, примерно V—IX вв. Основанием является сходство отправных точек тех событий, которые привели к образованию СНГ и вообще к нынешнему положению дел, и событий, развернувшихся в Европе на заре Средних веков. И тут, и там имел место распад империи.

Необходимы два уточнения.

1. Конечно, «падение Западной Римской империи» — стереотипная формула из школьных учебников. Ее история отнюдь не была прервана в 476 г., она разными и своеобразными способами продолжалась

на протяжении всех последующих веков — как некоторые полагают, даже и до сих пор. Низложение Одоакром Ромула Августула и передача им императорских инсигний в Константинополь вовсе не означали отвержения империи, узурпации ее прерогатив, выхода за пределы ее смыслового горизонта, напротив — мотивом последнего (но вряд ли первого) деяния было желание вручить значимые символы их единственному полноправному держателю. Этот акт не унижал империю, а воздавал ей должное, даже демонстрировал лояльность — и все же свидетельствовал, что законного распорядителя имперского начала на Западе больше нет. Империя продолжала мыслиться как норма, она господствовала в пространстве представлений, но в пространстве реальной политики пришлось обходиться без нее и учиться дышать в возникшем политическом вакууме. Потому при первой же возможности империя была воссоздана — свершилось *Renovatio*, результат которого, впрочем, имел довольно отдаленное отношение к прообразу.

2. Немыслимо в очередной раз возобновлять дискуссию о том, был ли Советский Союз империей, поэтому приходится просто обозначить собственную позицию — был, хотя и очень специфической². Крах СССР, соответственно, тоже может быть идентифицирован как распад империи. Точно так же, как в V в., осколкам империи пришлось устраиваться и учиться жить без нее, и точно так же из пространства представлений Советский Союз еще далеко не исчез (особенно в России, но не только в ней; ведь это чувство может быть и негативным, и очень похоже, что подозрения в намерении восстановить СССР, высказываемые в адрес России в некоторых соседних государствах по любому поводу и даже вовсе без повода, питаются в том числе и тем, что в картине мира этих чутких — подчас до параноидальности — наблюдателей СССР все еще жив).

Что делать с этой параллелью? Прежде всего, ей можно просто забавляться — скажем, рассматривая Новые независимые государства как варварские королевства, а Лукашенко, Шеварднадзе, Кучму, Назарбаева, Тимошенко — как проекции всевозможных Атаульфов, Теодорихов, Сиагриев, Рекарредов, Клотильд etc. И разве не прекрасен был бы Ельцин в волчьих мехах и железных доспехах? Все это очень просто вообразить, тем более что на постсоветском пространстве преобладают именно персоналистские режимы, а за примерами политического варварства ходить далеко не надо. «Голова Гонгадзе», таинственное отравление Ющенко, трагическая жизнь и особенно смерть Гамсахурдиа — как легко представить себе все эти истории, изложенные языком и стилем средневековых хроник...

Можно обнаруживать и содержательные, и даже поучительные сближения — скажем, в том, что касается культурной ситуации. Русский — все еще *lingua franca* СНГ, как и латынь в Европе Раннего средневековья. Однако он мало-помалу делается достоянием элит, причем элит стареющих — на смену ему приходят местные языки и наречия, да и сам он стремительно становится *вульгарным* (*sermo vulgaris*). Сходно

² См. *Suny 1995*;
Zaslavsky 1997;
Martin 2001;
Каспэ 2001:
181—196.

и строение политической культуры — вынося за скобки оценочные суждения, можно уподобить представителей постсоветских элит, вышедших из партийной номенклатуры, носителям романской традиции, в своем роде галло-римлянам. С одной стороны, общий биографический background облегчал и еще иногда облегчает им коммуникацию между собой — просто потому, что все они являются носителями определенных стандартов политического и даже бытового поведения. С другой стороны, в их среде все чаще появляются люди с принципиально иным, совсем уже нессоветским — то есть, в рамках этой аналогии, «варварским» — background'ом, вроде Саакашвили или Ющенко, что влечет за собой неизбежные коммуникативные сбои. Или можно задуматься о тех интеллектуалах, носителях высокой культуры, средой функционирования которых когда-то было большое имперское пространство, затем сжавшееся до узких рамок новой варварской государственности, — и о том, как они реагируют на эту ситуацию. Мамардашвили, Салмин, Айтматов, Сулейменов — чем не Бозции и Кассиодоры? Тут и поиски «утешения философией», и участие в практической политике — как правило, не особенно удачное...

Но самым существенным кажется другой сюжет. Варварских королевств ведь было много, и далеко не все из них пережили Темные века. Вестготы, остготы, бургунды, лангобарды, вовсе эфемерная держава Сиагрия — ряд можно продолжать. А вот некоторые другие (франки, также алеманны или, с понятной «нормандской» оговоркой, англосаксы) оказались более удачливы. Что же стало критерием выживания той или иной политики — и что, соответственно, может считаться переменной (variable), определившей ее судьбу, в диапазоне между консолидацией и деградацией? И не может ли переменная, которая была значима тогда, оказаться *mutatis mutandis* значимой и сегодня?

Допустимо предположить, что такой переменной — не единственной, конечно — является способ сопряжения наличного политического порядка с миром ценностей, возможность легитимировать наличный политический порядок апелляцией к этому миру. Специально аргументировать тот тезис, что политический порядок несводим к сумме рациональных техник и организационных решений, что он нуждается в ценностной легитимации, а иначе неэффективен и недолговечен, кажется излишним — эта установка или имеет для думающего о политике аксиоматический статус, или не имеет никакого. Не живет то государство, граждане или подданные которого не считают его отражающим некоторую мысль о благе и, соответственно, не присваивают статус политического блага ему самому³.

Однако государство далеко не всегда может произвести смысл своего существования собственными силами. Как правило, оно получает его от инстанции, которую Эдвард Шилз называл «земным-трансцендентным (earthly-transcendental) центром». Такие центры функционально необходимы, так как легитимация центра просто земного «достигается согласованием его с некоторыми фундаментальными нор-

³ См., напр. Хёффе 1994; Штраус 2000. Впрочем, можно и просто перечислить Платона, Аристотеля и Августина — в особенности рассуждения последнего о принципиальном отличии политического порядка от того, который устанавливают «большие разбойничьи шайки» (*De civitate Dei*: IV, 4).

⁴ Shils 1988: 254.

мами, неотъемлемо присущими космическому или природному порядку либо предписанными верховной трансцендентной властью»⁴. Соответственно, во всех обществах так или иначе формируются специальные институты, претендующие быть земными представительствами высшей истины, репрезентирующие ее (вне зависимости от того, что конкретно считается такой истиной). Причем это в полной мере относится и к секулярным обществам — «сакральное» здесь понимается в строго дюркгеймовском смысле. «Центральная зона обладает сакральной природой. В этом смысле каждое общество имеет „официальную“ религию, даже тогда, когда это общество им самим или его представителями и интерпретаторами трактуется — более или менее корректно — как секулярное, плюралистическое и толерантное»⁵. Необходима еще одна цитата из Шилза: «Земной-трансцендентный центр... может находиться в разнообразных отношениях с собственно земными (earthly) центрами. Правительства, носители экономического могущества, политические элиты и производные от них всех институты обычно претендуют на то, что они также представляют идеал, что они суть агенты распространения и поддержания справедливости в мире. Функционеры земного-трансцендентного центра могут подтверждать справедливость этих претензий земных центров либо подвергать их критике за расхождения с требованиями трансцендентного центра»⁶.

⁵ Shils 1975: 3.

⁶ Ibid.: 255.

Тут надо оговориться, что эмансипация «земного центра» от центра «земного-трансцендентного», присвоение первым прерогатив и функций второго и выведение тем самым *смысла* существования государства исключительно из *факта* существования государства, конечно, возможны. Проблема только в том, что это решение, чтобы быть по-настоящему убедительным, требует довести до предельного напряжения идею национального государства в самом органицистском из всех ее возможных изводов, без преувеличения обожествить его (к чему действительно есть предпосылки: «Своей способностью объединять мертвых, живых и еще не родившихся в единую общность судьбы... национализм дает человечеству светскую версию бессмертия»⁷; национализму свойственно «тесное духовное родство с религиозным воображением»⁸), поклониться воздвигнутому идолу — и почти наверняка принести ему человеческие жертвы. Как отчеканил в 1925 г. Бенито Муссолини, «tutto nello Stato, niente al di fuori dello Stato, nulla contro lo Stato»⁹ — что ж, некоторые государства и впрямь попытались достичь этого вождельного состояния. Правда, попытки эти оказались суицидальными, а малейшие поползновения их повторить в современном мире принято жестко репрессировать, что не может не сказываться на популярности и перспективности выдержанных в подобном духе политических программ.

⁷ Смит 2004: 261.
См. также Mosse 1994.

⁸ Андерсон 2001: 33.

⁹ «Все в государстве, ничего вне государства, ничего против государства».

Так вот, хорошо видно, что по итогам Раннего средневековья выжили только политические организмы, так или иначе интегрировавшиеся в макроструктуру Pax Christiana (земным-трансцендентным центром которой была Римская Церковь, а его первой политической производной, тоже не вполне «земной», — христианская Империя). Именно

от Церкви они получили специальную легитимирующую санкцию, сакральную — то есть ценностную — по своей природе, которая и позволила им в достаточной мере консолидироваться и окрепнуть. «Христианнейшее королевство» франков — наиболее яркий тому пример, но не единственный (так, именно подобная специальная санкция, предоставленная правителям Астурии, Галисии, Басконии, Испанской марки, обеспечила успех Реконкисты и постепенное становление христианских политий на Пиренеях). Потом, гораздо позже, восставшие государства взорвали эту макроструктуру изнутри, экспроприировав в свою пользу материальные и идеальные ресурсы и Церкви, и империи, взаимно истощивших друг друга в ожесточенной борьбе. Отдаленным результатом стало, собственно, появление суверенного территориального и национального государства *stricto sensu* — как специфически современной политической формы, самодостаточной и самодовлеющей, уже не нуждающейся (или полагающей, что не нуждается) в легитимации извне и свыше. Но это уже другая история¹⁰ — здесь же речь только о том, что варварские королевства, не получившие такой специальной санкции «сверху», не вступившие в альянс с мощными внешними источниками легитимности, так и остались случайными, ситуативными образованиями и сошли с арены европейской истории.

Точно так же и Новые независимые государства ощущают собственную неполноценность, испытывают острейший дефицит легитимности — и ищут ее источники, ищут легитимирующего вхождения в какую-то макроструктуру. Но не в Церковь — в современном секуляризованном мире этот вариант непредставим. Новые независимые государства взыскуют вхождения в *империю*. Сам поиск ими внешних источников легитимности виден невооруженным глазом — и имеет смысл попытаться оценить, хотя бы путем простого перебора возможностей, что это за источники и к каким последствиям способен привести тот или иной выбор между ними.

Самый очевидный такой источник — Запад. Тут есть нюансы, связанные с выбором предпочтительной ориентации на Евросоюз или на США, — но на самом деле они не столь существенны. Вновь обоснование тезиса не вмещается в рамки статьи, но и в том, и в другом случае конечной целью движения является *империя Запада*. Именно этот термин многие специалисты (и число их растет) считают адекватно описывающим состояние современного мира¹¹. Степень конфликтности Европы и Америки часто преувеличивается — но какими бы ни были взаимные чувства европейцев и американцев, обойтись друг без друга они не могут. Их обоюдная комплементарность не только описана и концептуально обоснована Робертом Кейганом¹², но и постоянно подтверждается представителями европейских политических элит, по определению более ответственными, чем вольные интеллектуалы: «Запад один и таковым он и останется. У нас не может быть двух Западов. Европе нужна Америка и Америке нужна Европа <...> Концепция европейского единства, основанная на странном стремлении к независимости, является

¹⁰ Подробнее о ней см. Каспэ 2008: 86—154.

¹¹ См. Ignatieff 2003; Cox 2003, 2004; Ferguson 2004; Каспэ 2008: 241—289.

¹² Кейган 2004.

¹³ Берлускони 2006.

¹⁴ Заявление Гордона Брауна для прессы, сделанное им перед первым визитом в США в качестве премьер-министра. Цит. по: Габуев 2007.

¹⁵ Ср. недавнее выступление Доку Умарова, отрекшегося от «Республики Ичкерия» и провозгласившего создание «Кавказского эмирата» (<http://www.lenta.ru/news/2007/10/31/emirat>).

подозрительной с моральной точки зрения и политически опасной»¹³; «Я являюсь убежденным атлантистом, восхищаюсь американским духом и хочу сделать союз Британии и США еще прочнее. А весь мир вообще-то должен благодарить Америку за начало глобальной войны с терроризмом»¹⁴.

Какие еще центры могут стать для Новых независимых государств (хотя бы для некоторых) внешним источником легитимности? Их почти нет. Иногда подобный статус пытаются приписать Китаю (для Средней Азии), но этот сценарий труднопредставим. К Китаю, безусловно, относятся с уважением, его опасаются (неясно, насколько основательно), с ним стремятся сотрудничать — однако межкультурные различия здесь слишком велики. К тому же Китай, в отличие от Запада, неинклюзивен, он не замечен в стремлении к интеграции в свой состав «чужих», «других» обществ посредством культурной и ценностной экспансии. Некоторые наблюдатели постулируют существование рассчитанного на века глобального «китайского проекта»; но если это не банальная конспирология, если такой проект и существует, то он еще не предъявлен *urbi et orbi*.

Может быть, исламский мир? Да, попытки использовать ислам как легитимирующий фактор кое-где на постсоветском пространстве имели место, но быстро оказались свернуты — политическим элитам тех государств, которые с ним заигрывали, стало откровенно страшно. Конечно, перспектива возникновения Большого Халифата не снята с повестки дня, но обсуждать ее в избранном контексте бессмысленно, поскольку Халифат составят — если составят — уже совсем не те государства, которые мы знаем сегодня¹⁵.

Остается Россия, тоже пытающаяся играть роль ценностного центра притяжения — или, точнее, только приходящая к осознанию необходимости ее играть. Сейчас много говорят (например, Глеб Павловский или Модест Колеров) о переходе к «политике ценностей», что очень разумно — голый прагматизм неэффективен ровно потому, что он голый (как оказался политически неэффективен голый король). Политика, не соотношенная с ценностями, сведенная к шкурному интересу, не имеет шансов получить сколько-нибудь широкую общественную поддержку. У этого стремления фундаментализировать российскую политику ценностями (или представить ее фундаментализированной ценностями) есть и внутреннее измерение (сейчас не обсуждаемое), и внешнее. Другое дело, что в обоих случаях решительно непонятно, о *каких именно* ценностях идет речь. Не все ценности одинаково полезны. Ценностный вакуум не является достаточным основанием для потребления любых ценностей без разбора — даже измученный жаждой человек способен сделать выбор между чистой водой и грязной жижей. Буш называет США «маяком свободы» — с чем совершенно можно не соглашаться и считать таковым, положим, Венесуэлу, но и та, и другая позиция хотя бы внятна. СССР был «маяком коммунизма». Кто-то может позиционировать свою политику как «маяк истинного ислама» или, скажем,

¹⁶ Подробнее о ее происхождении и симптомах см. И. Каспэ, С. Каспэ 2006.

«негритюда». Но маяком чего претендует быть сейчас Россия, какой сигнал она посылает миру? Нельзя быть маяком самой себя. Маячить просто так, без содержания и смысла — бессмысленно. Но все-таки хочется верить, что эта легко объяснимая болезнь «неразличения духов»¹⁶ преодолима.

Если же она будет преодолена, то каким тогда может оказаться российское ценностное самоопределение и, соответственно, как могут отреагировать на тот или иной выбор наши дальние партнеры и близкие соседи? Генеральных вариантов тут очень мало. Глобальная империя Запада уже сложилась; нравится ли она кому-то или нет — это сверхмощный центр притяжения, масса, искажающая все силовые линии мира, влекущая к себе или отталкивающая от себя все прочие политические тела. И для России, отвлекаясь от частных, есть только две возможности ценностного выбора — или движение к этому центру, или движение от него. Или сказать (и доказать) со всей ясностью: «мы — Запад» (допустим и прозрачный эвфемизм — «Север»). Или столь же определенно заявить: «мы — не Запад».

Второй вариант затруднителен. Потому что на самом деле никому не хочется терять те удобства и удовольствия дружбы с Западом (даже такой прохладной, как сейчас), которыми Россия пользуется второй десяток лет (причем большая часть удобств и удовольствий, естественно, достается элитам, что предрасполагает их и к определенному поведению). Потому что он противоречит основным трендам российской истории, в ходе которой образцом, ориентиром и референтом (пусть время от времени и негативным) выступал именно Запад, но никогда — Восток. Потому, в конце концов, что он, доведенный до логического конца, потребует нового отречения от христианства или его совсем уже чудовищного язычески-изоляционистского извращения — что, к счастью, на фоне наметившегося сближения Церковью маловероятно. Собственно, этот вариант подразумевает построение альтернативной империи, для чего не только нет ресурсов (наличных может хватить лишь на пародийный, жалкий, зияющий дырами декор) — нет даже места в миропорядке. Империя Запада достигла качественно завершенной (и количественно нарастающей) универсальности, пронизав своими сетями и охватив инфраструктурой весь обитаемый мир. У нее нет границ — не только интенционально, но и фактически; нет альтернативных, то есть сопоставимых по мощи, центров силы; нет даже внешних варваров, от которых можно было бы, уверившись по тем или иным причинам в их принципиальной нецивилизованности, закрыться и замкнуться в себе. В плане имперского строительства глобализация завершена — в том смысле, что не осталось географических зон или социальных процессов, которые в принципе не входили бы в сферу влияния и интересов империи. Все, происходящее сегодня в мире, является внутренним делом глобальной империи Запада — по крайней мере, действует она именно так, с большим или меньшим успехом (точнее, с большей или меньшей скоростью) преодолевая сопротивление несо-

гласных. Временные отступления с целью перегруппировки сил случаются; но не капитуляции.

К тому же подлинная альтернатива нынешнему имперскому мироустройству должна быть далеко не только политической, но и ценностной, культурной, технологической, бытовой, в конце концов. О ней можно будет всерьез говорить тогда, когда будут найдены решения, конкурентоспособные по отношению к авианосцам, крылатым и баллистическим ракетам, выборам, свободной прессе, правам человека, доллару, евро, Нью-Йоркской и Лондонской фондовым биржам, Голливуду, компьютерным технологиям (все языки программирования используют *латиницу*, более того, *английские* морфемы!), интернету, сотовой связи, галстукам, джинсам, кока-коле... — и не чему-то одному из этого открытого списка, а всем его названным и неназванным пунктам *сразу*. Это означает, что всерьез о ней говорить нельзя. Ничего даже близко подобного не может предложить ни Китай, ни исламисты. Ни Россия.

Реализация же первого варианта («мы — Запад») тоже, конечно, чудовищно тяжела, поскольку требует преодоления немалой инерции антизападных настроений, накопленной в последние годы. Но надо помнить, во-первых, что они представляют собой скорее наведенную галлюцинацию, медийный фантом, транслируемый массам некоторыми элитными группами, причем по сугубо прагматическим и ситуативным мотивам — сами элиты, насколько можно судить, никаким особым антизападным страстям не подвержены, за исключением нескольких неподдельно пламенных (и, кажется, психически неуравновешенных) публицистов. Надо помнить, во-вторых, что это инерция только *нескольких лет*. Ведь был момент (на рубеже 1980—1990-х годов), когда все закоренелое российское предубеждение против Запада развеялось, как прудутренный туман. Да, прорубленное тогда window of opportunity было употреблено на редкость бездарно и быстро захлопнулось. Какова здесь доля ответственности самого Запада — отдельный вопрос. Судя по всему, колоссальная, может быть, даже преобладающая; но со своей ответственностью пусть Запад разбирается сам (и, кстати, разбирается — не случайно вопрос «Who lost Russia?» звучит все настойчивее); ответственность России от этого не исчезает. Но существенно не столько то, как этот момент оказался упущен и по чьей вине, сколько то, что он все же *был*, что он оказался возможен, что он даже способен порождать неожиданные рецидивы (например, в сентябре 2001 г.) — а значит, при условии приложения должного труда может быть воспроизведен. Политика, бесспорно, искусство возможного. Но «...в области общественных учреждений сфера возможного гораздо более широка, чем обыкновенно думают»¹⁷.

¹⁷ Токвиль 1893: 86.

Конечно, для его воспроизводства теперь потребуются специальные усилия. Можно в самом общем виде указать на решение, способное компенсировать многие риски, снять фобии и страхи: «мы — не просто Запад, мы — сильный Запад!». Мы не менее Запад, чем Америка, вооб-

ще говоря, довольно дикая по европейским меркам страна (ср. хотя бы американское и европейское отношение к оружию и смертной казни), что не мешает ей быть лидером западного мира — именно в качестве полюса силы. Решением может стать такое *сильное* действие (с которым, конечно, должен быть гармонизирован и общий вектор российской внешней политики — задачу облегчает то, что нужная ее тональность уже, кажется, найдена), против которого никто на Западе не то что не сможет возражать, но которое Запад будет вынужден бурно приветствовать и за которое ему придется благодарить. Следовало бы не затягивать потуже узлы мировой политики, надеясь извлечь из этого сиюминутный профит (и странным образом принимая постепенно складывающуюся репутацию действующего глобально, но мыслящего локально *гешефтмахера* за признак возрождения великодержавного статуса), а решительно разрубить хоть какой-нибудь из этих узлов. Демонтировать режим Лукашенко и добиться демократизации Белоруссии — и ведь *таким* образом осуществленная ее демократизация гарантированно не окажется националистически-антироссийской. Задушить афганский наркотрафик — возможно, путем прямого вхождения на уже зачищенное антитеррористической коалицией поле и в тесном с нею сотрудничестве. Покончить с иранской ядерной программой. Да хоть поймать бен Ладена и передать его для суда Соединенным Штатам, в конце концов! Эти сюжеты могут показаться и наверняка покажутся фантастическими — но что в них *принципиально* нереализуемого?

Краткий вывод. Судьбу и каждого из Новых независимых государств, и их Содружества не в последнюю очередь определяют ответы на несколько вопросов.

Будут ли эти политии (и это Содружество) легитимированы ценностно, а не только ситуативно и технически?

Какой центр станет источником этих ценностей и, соответственно, что это будут за ценности?

Может ли быть таким центром Россия как полномочный субцентр Запада, или же статус центра постсоветского пространства станет объектом полномасштабной конкуренции Запада непосредственно и неопосредованно — и России, противопоставившей себя Западу в попытке стать эквивалентной ему заменой?

В рамках второго сценария успех и сохранение Содружества достижимы только в случае полного краха империи Запада и выдвижения ему полноценной альтернативы в лице России. Логически это возможно. Но маловероятно — потому хотя бы (опуская все прочие соображения), что на значительной части СНГ и даже самой России в случае крушения западного могущества более конкурентоспособной окажется альтернатива ему, известная под именем Большого Халифата. Что, право, нежелательно.

Библиография

- Андерсон Б. 2001. *Воображаемые сообщества*. — М.
- Берлускони С. 2006. Выступление в Конгрессе США // *Коммерсантъ*. 03.03.
- Габуев А. 2007. «Гордон Браун — веселый парень» // *Коммерсантъ*. 01.08.
- Каспэ И., Каспэ С. 2006. Поле битвы — страна. Nation-building и наши нэйшнбилдеры // *Неприкосновенный запас*. № 6 (50).
- Каспэ С. 2001. *Империя и модернизация: общая модель и российская специфика*. — М.
- Каспэ С. 2008. *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма*. — М.
- Кейган Р. 2004. *О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке*. — М.
- Смит Э. 2004. *Национализм и модернизм*. — М.
- Токвиль А. де. 1893. *Воспоминания Алексиса Токвиля*. — М.
- Хёффе О. 1994. *Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства*. — М.
- Штраус Л. 2000. Что такое политическая философия? // Штраус Л. *Введение в политическую философию*. — М.
- Сох М. 2003. The Empire's Back in Town: Or America's Imperial Temptation — Again // *Millennium*. № 32 (1).
- Сох М. 2004. Empire by Denial? Debating US Power // *Security Dialogue*. № 35 (2).
- Ferguson N. 2004. *Colossus: The Rise and Fall of the American Empire*. — N.Y.
- Forrest J. 1994. An Asynchronic Comparison: Weak States in Post-Colonial Africa and Medieval Europe // Dogan M., Kazancigil A. (eds.) *Comparing Nations: Concepts, Strategies, Substance*. — Oxford, Cambridge (Mass).
- Forrest J. 2004. *Subnationalism in Africa: Ethnicity, Alliances, and Politics*. — Boulder.
- Herbst J. 2000. *States and Power in Africa: Comparative Lessons in Authority and Control*. — Princeton.
- Ignatieff M. 2003. The Burden // *New York Times Magazine*. 05.01.
- Martin T. 2001. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1939*. — Ithaca, L.
- Mosse G. 1994. *Confronting the Nation: Jewish and Western Nationalism*. — Hanover.
- Shils E. 1975. *Center and Periphery: Essays in Macrosociology*. — Chicago.
- Shils E. 1988. Center and Periphery: An Idea and its Career, 1935—1987 // Greenfeld L., Martin M. (eds.) *Center: Ideas and Institutions*. — Chicago, L.
- Suny R. 1995. Ambiguous Categories: States, Empires and Nations // *Post-Soviet Affairs*. № 2.
- Zaslavsky V. 1997. The Soviet Union // Barkey K., Hagen M. von. (eds.) *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building*. — N.Y., L.